

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

ПОЗДРАВЛЯЕМ НАТАЛИЮ СЕРГЕЕВНУ АВТОНОМОВУ!

Редакция журнала поздравляет **Наталию Сергеевну Автономову** с присуждением ей премии Андрея Белого в номинации «Гуманитарные исследования»*. Об этом было объявлено 4 декабря 2009 г. на книжной ярмарке non/fiction в Центральном доме художника в Москве. На суд жюри было представлено научное исследование «Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров» (М.: РОССПЭН, 2009).

Премия Андрея Белого была учреждена в 1978 г. ленинградским самиздатовским журналом «Часы» и является первой в России регулярной негосударственной наградой в области культуры.

Ниже мы публикуем речь Н.С. Автономовой, зачитанную на церемонии вручения премии.

Речь на вручении премии Андрея Белого

Дорогие друзья,
Дорогие коллеги,
Дамы и господа.

Обстоятельства научной жизни (в данном случае – мое участие в конференции по проблеме межкультурного перевода, проводимой в эти дни в Иерусалиме) не позволяют мне сейчас быть среди вас, разделить с вами мою радость.

Присуждение премии Андрея Белого в номинации «гуманитарные исследования» для меня – высокая честь.

Скажу откровенно: когда кто-то из знакомых поздравил меня по электронной почте с включением в «короткий лист» премии, я решила, что это недоразумение. Но когда 4-го декабря, вернувшись с заседания международного научного комитета по оценке работы Дома наук о человеке в Париже, я нашла в своей электронной почте другое сообщение – на этот раз о присуждении мне премии Андрея Белого – я поняла, что это не сон. На всякий случай, я включила компьютер и увидела в интернете сообщения различных агентств о том, что в 18 часов вечера (то есть двумя часами раньше, когда я как раз подлетала к Москве) это решение было оглашено на Ярмарке интеллектуальной книги non-fiction. На этом мои сомнения закончились. Однако удивление – осталось.

Все это значило, что кто-то увидел мою книгу, купил ее, прочитал, по-настоящему заинтересовался ею. А ведь это, по-моему, не так просто. Название книги – «Открытая структура: Якобсон – Бахтин –

* Подробности о конкурсе см. на сайте <http://belyprize.ru/?pid=129>

Лотман — Гаспаров» — указывает одновременно и на конкретных людей, и на общую проблему. Насколько я могу судить, до сих пор этот квартет великих русских филологов еще ни разу не попадал под общую обложку и не рассматривался с той точки зрения, которую я предлагаю. Для меня Якобсон, Бахтин, Лотман, Гаспаров — самые крупные филологи XX века, перешедшие вместе с нами в XXI век, а сам вопрос о структуре (и об открытой структуре) со всеми трансформациями в его постановке тоже охватывает собой весь XX век. Когда-то мне довелось вводить в русскую (тогда — советскую) культуру произведения Фуко, Лакана, Деррида, а вместе с ними целый веер вопросов, которыми стали в России предметом массового интереса лишь двадцать лет спустя, уже в 1990-е годы.

Сейчас принято считать, что структура и структурализм давно умерли, что их место заняли другие подходы, что стремление к объективному познанию в гуманитарной области — это пустая архаика. Напротив, поиск развлечений, разнообразных впечатлений, прежде всего аудио-визуальных, отвлекающих от навязчивой дискурсивности и артикулированности логически собранных текстов, — становится атрибутом современного, точнее, постсовременного, человека, который стремится порезче отмежеваться от всего, что может напоминать ему о порядках и закономерностях, и теснее сблизиться со всем тем, что этому противоречит.

Конечно, воображение, интуиция, всевозможные фантазии в человеческой жизни очень важны. Но мой акцент — иной. Он — на том, что сейчас затаптывается. Отождествлять познание с тоталитаризмом — это нелепо, винить познание человеческих явлений в том, что оно лишает нас непосредственных радостей чтения поэзии или восприятия живописи — по меньшей мере, смешно. Судьба современного человека повернулась так, что воспринимать ценности свободы он еще как-то способен, но вот видеть чудо или фундаментальный смысл в самой возможности познания человеческих явлений, в поиске закономерностей за причудливой игрой бессознательных сил — это уж увольте!

Сейчас в мире идет борьба актуализаций, каждый выдвигает свою точку зрения. Мое представление об актуальности связано с идеей открытой структуры. Мысль об открытой структуре заставляет нас по-новому отнестись к уже привычному расчленению наук на гуманитарные и естественнонаучные, на объясняющие и понимающие. Мне представляется более важным такое объединяющее представление о науке, которое ставит целью изучение объекта вне нас, когда, учитывая нашу собственную историчность, мы, тем не менее, стремимся понять объект в тех его характеристиках, которые не нами определяются, — а они есть и в естественном, и в гуманитарном познании.

Всем моим героям было свойственно это мощное эпистемофилическое влечение — это стремление к познанию. Все они, интуитивно или сознательно, шли тем путем, на котором в западно-европейс-

кой культуре сложилась опора на науку (и само стремление к объективности) как важнейшее культурное завоевание: без него отныне невозможны не только «факты», но и «ценности». Если разрушить этот фундамент, под сомнение будут поставлены и нынешнее бытие европейской культуры, и ее будущие шансы в мире.

Все мои герои были наделены удивительной интуицией культурного целого и вместе с тем способностью улавливать его многоуровневую динамику. Якобсон — лингвист, которому ничто языковое не было чуждо (это был его девиз) — мог одинаково восхищаться мордовскими говорами и поэзией Пастернака: общее и индивидуальное, малое и великое не разделялись у него стеной или пропастью, как это происходит сейчас у тех философов, кто, обращаясь к литературе, считает объектом, достойным внимания, лишь две дюжины великих писателей. Лотман восхищался разными формами искусства, но стремился вести филологию от «ненауки к науке». В свою очередь, Гаспаров, который, казалось бы, целиком подчинил свою жизнь выяснению формальных закономерностей поэзии, умел нарушать эти закономерности так талантливо, что даже самые смелые постмодернисты тушевались перед яркими выходками его «Записей и Выписок» или «Экспериментальных переводов».

Конечно, структура, которая может быть открытой, — это не та архаичная, догматичная, статичная, тотальная и тоталитарная структура, о которой обычно ведут речь ее противники. Но ведь такое убожество свойственно не структуре, но лишь нашей устаревшей мысли о структуре. Та структура, которую я имею в виду, открыта истории, она взаимодействует с самыми разными проявлениями неструктурности, что и обеспечивает ее динамику. Об этом много размышляли и Роман Якобсон, и Юрий Михайлович Лотман. Структура есть не только то, что выявляют и описывают мои герои, но и то, что связывает в некое культурное целое их самих. В этом смысле общую структуру образуют не только «структуралисты», но и те, чьи взгляды антагонистичны идее структуры; в данном случае это — Михаил Михайлович Бахтин. Без Бахтина как представителя иной — историко-гуманистической — тенденции в познании человека нет и целого, а потому он, поначалу бывший для меня лишь фоновым персонажем, постепенно стал необходимым звеном для понимания всего остального, всех остальных.

Структура для меня не есть нечто субстанциональное и вещное: это динамический каркас подвижных возможностей смыслопорождения. При этом как филолог я вижу, что в основе всякой структуры лежит ситуация (и проблема) многоязычия и, соответственно, проблема перевода — между языками и культурами, между обществом и индивидами, между обыденными мыслями и научными теориями. Перед нами открывается огромное многомерное поле междисциплинарного перевода как главной опоры культурного и социального взаимопонимания и взаимодействия. Именно поэтому я полагаю (вопреки мнениям очень и очень многих), что главным понятием гума-

нитарных наук является не диалог, который в последнее время стал восприниматься как отмычка ко всем дверям, но именно перевод: без выработки общего языка в процессе перевода никакой диалог не возможен.

Открытая структура предстает перед нами не только в познании. Мы живем в обществе, которое тоже представляет собой открытую структуру: во всяком случае, оно в очередной раз в своей истории открылось вовне, проявило желание осмыслить себя, понимая другого и других. Мне хочется думать, что честная работа в культуре, отказ от халтуры и конъюнктуры позволят восстановить — и в обществе и в научном сообществе — значимые вехи, опоры, критерии, без которых все разрушается, потому что «все дозволено». Теперь нам приходится вновь утверждать значимость интеллектуального усилия, которое не зависит от внешних похвал и порицаний, но определяются внутренним чувством и разумением каждого.

Я завершаю мое выступление словами благодарности комитету премии Андрея Белого — тем людям, которые оказали мне внимание и выразили мне символически значимую поддержку. Я считаю, что путь, которым я следую, ведет к реабилитации отечественного интеллектуального наследия, к распространению идей и достижений, впервые сформулированных на русском языке. На языке, который — и для меня как филолога и философа это особенно важно — пережил периоды интеллектуальных и смысловых дефицитов и теперь находится в процессе выработки своих собственных концептуальных возможностей, укрепляя, тем самым, свои будущие шансы среди других языков и других культур.

Еще раз всем Вам — большое спасибо.